

11 мая в Москве в четвертый раз открылся фестиваль искусств «Черешневый лес». Специально к нему, в честь 100-летия чеховского «Вишневого сада», готовятся три премьеры. Одна из них состоится 18 мая на сцене чеховского МХАТа в постановке Адольфа Шапиро. Знаменитая Евдокия Германова, русская Джульетта Мазина, играет в «Вишневом саде» роль Шарлотты.

— Сколько в своей жизни вы пересмотрели «Вишневых садов»?

— Пять-шесть, наверное. У Эфросы на Таганке с Высоцким. В «Современнике» с Нееловой. У Бородина в РАМТе недавно совсем. У Някросшоуса, конечно. Какие-то еще были западные варианты.

— Ну и?

— Я не увидела ни одного точного спектакля. Даже на Таганке. У всех — стремление показать свое представление о Чехове, причем обязательно с вывертами. И ни у кого — Чехова с его изысканной простотой, которая и есть вершина. Мне никогда не было по-настоящему жалко никого из персонажей, хотя их и нужно жалеть. А за актрис, игравших Шарлотту, иногда было как-то неловко.

— Мне тоже Шарлотты чаще попадались почему-то гротесковые. Хотя это, по-моему, персонаж трагический. Возможно ли, выходя на сцену, каждый раз принимать на себя эту страшную боль: «...кто я... зачем я?»

— Ну, на таком градусе существуют все герои «Вишневого сада». От тоски ли, от губельной любви, от безбудущности. Так что дело не только в Шарлотте, но в «командном отчаянии». Русская пронзительная тоска.

— В трактовке Шапиро все это есть?

— Адольф Яковлевич тем и замечателен, что в нем напрочь отсутствует самодемонстрация — «А вот я вам сейчас заверну!» Он всегда продирается к сути и ведет за собой актеров.

— То есть, вам с ним хорошо работается?

— Так ведь мы третий раз вместе: «Последние», «На дне» Горького, те-

ФОТО ЕКАТЕРИНЫ ЦВЕТКОВОЙ

Веч. Москва, — 2004 13 мая.
Евдокия Германова: *р. 31*

Мой лучший партнер — Джон Малкович

перь вот Чехов. На «Последних» я писала ему проникновенные письма протеста. Целые трактаты. Я была уверена, что он предлагает мне неверную трактовку характера матери террориста. Свидетели наших споров ждали, что мы вот-вот что-нибудь швырнем друг в друга и разбежимся навсегда. Каждая репетиция была в кр-р-ровы! Но мы не разбежа-

лись. И я с первого спектакля и по сей день играю в «Последних» под аплодисменты. Потом было «На дне». Когда Адольф Яковлевич предложил мне роль, я сначала пришла в ужас: ведь в школе нам все мозги пробуравили этим «Человек — звучит гордо»! А потом перечитала — и поняла: пьеса-то гениальная! На ней мы ругались уже не так жаростно,

а за Настю я получила премию Станиславского. В «Вишневом саду» мы с самого начала продаемся к истине вместе. Хотя спорим, конечно.

— О чем, например?

— Например, о способе существования актеров. Ведь внешне в пьесе так все простенько, бытово. А внутри героев бушуют гамлетовские страсти. Бытовая логика поведения актера на сцене рушится, надо выстраивать другую. Я понятно объяснила?

— Вполне. Шапиро, как правило, очень точно выбирает исполнителей. Но на этот раз его выбор шокирует: Раневская — Рената Литвинова, Лопухин — Андрей Смоляков.

— Таково его режиссерское решение. Я только вижу, что Рената как человеческий психотип очень подходит к образу Раневской. Она трогательна и... нелепа. Другое дело, когда требуется быть такой на сцене. Рената многого еще не умеет. Но Шапиро хорошо чувствует ее нерв, и она играет все точнее.

— А вы могли бы сыграть Раневскую? Ваше вечное внутреннее смятение — «поиски пятого угла» — они как раз от Раневской...

— Я согласна. Вдруг и случится когда-нибудь такое. Ведь позвонил же мне на днях Тонино Гуэрра...

— С каким предложением?

— Не скажу. Боюсь сглазить.

— Тогда расскажите о других ваших партнерах по «Вишневому саду».

— Они почти все очень-очень молоды. Играя, заняты собой. Так что пока мне с ними никак, я в вакууме. Ничего, постепенно сыграемся.

— А кто есть или был раньше вашим лучшим партнером?

— Джон Малкович.

— Вот это да! Как это случилось?

— Не случилось, к сожалению! Английский профсоюз актеров не разрешил русской актрисе, то есть мне, участвовать в проекте. Но пока нам еще не запретили, мы с Малковичем репетировали. Партнер он потрясающий. Чувствует каждый твой вздох, и ты настолько талантлива рядом с ним!

— Что будет после «Вишневого сада»? Помимо таинственного проекта с Гуэррой?

— Надеюсь, сыграю в пьесе Андрея Максимова, которую он же будет ставить.

Беседовала
 Галина ОБЛЕЗОВА